

ИМПЕРСКИЕ РОМАНЫ ПРОХАНОВА

Александр
ПРОХАНОВ

УБИТЬ КОЛИБРИ

МОСКВА 2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П84

В оформлении обложки использована работа
художника *Владимира Нартова*

Проханов, Александр Андреевич.
П84 Убить колибри / Александр Проханов. — Москва :
Эксмо, 2017. — 320 с. — (Имперские романы Проханова).

ISBN 978-5-699-95809-2

Художник-реставратор Челищев восстанавливает старинную икону Богородицы. И вдруг, закончив работу, он замечает, что внутренне изменился до неузнаваемости, стал другим. Материальные интересы отошли на второй план, интуиция обострилась до предела. И главное, за долгое время, проведенное рядом с иконой, на него снизошла удивительная способность находить и уничтожать источники зла, готовые погубить Россию и ее президента...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95809-2

© Проханов А.А., 2017
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2017

Глава 1

Аркадий Иванович Челищев, художник-реставратор, сорока двух лет, имел темно-русые длинные волосы, которые, когда склонялся над картиной или иконой, перевязывал лентой. У него был открытый чистый лоб, к которому, когда задумывался, прикладывал пальцы, словно втирал непокорную неудобную мысль. Брови пушистые, слишком мягкие и женственные для мужчины. Глаза серые, внимательные, словно мир, на который они взирали, был интересен и приятен, и лишь иногда в них загорался жадный острый блеск, будто они находили в этом мире что-то необычайное и восхитительное. Нос был узкий, с нежной переносицей, с легкой горбинкой, отчего лицо казалось слегка высокомерным. Но стоило ему улыбнуться своим небольшим мягким ртом, как это впечатление пропадало.

Он был избалован заказами. К нему обращались богатые коллекционеры икон, предлагая вернуть былую свежесть и сочность потемнелым

доскам, обугленным, закопченным, пробитым острым железом. Под его легкими прикосновениями на досках расцветали золотые нимбы, алые плащи, голубые хитоны, всплывали из тьмы чудесные лики ангелов, святых и подвижников.

Он реставрировал усадебные портреты, истлевшие в запасниках провинциальных музеев. Сквозь потемнелый лак, испещренные паутинами трещин, смотрели розовощекие добродушные помещики в камзолах, их верные супруги в чепцах, миловидные барышни с выпуклыми, как вишни, глазами, офицеры в мундирах, с бакенбардами и наградами, полученными на кавказских или балканских войнах. Челищев благоговел перед портретами, не давая пропасть работам безвестных провинциальных художников, которые, казалось, благодарили его за милосердие и подвижничество.

Как-то раз он получил приглашение в Германию к известному банкиру, чья коллекция по несчастному случаю побывала в водах Рейна. Несколько месяцев, замкнувшись в особняке, Челищев восстанавливал картины Матисса, Дега и Ван Гога. Лодки на синих водах, аметистовые балерины, червонные подсолнухи. Веря в переселение душ, он повторял волшебные мазки великих художников, жил их вдохновением.

Состоятельные заказчики платили ему хорошие деньги, и он ни в чем не нуждался. Покупал одежду и обувь в дорогих бутиках. Жил в трехкомнатной квартире на Тверской, в сталинском доме. В одной из комнат устроил мастерскую, в двух других, богато обставленных, любил принимать гостей. Заказчики, доверяя ему поврежденные шедевры, банкиры, дипломаты, бизнесмены, допускали его в свой круг. Приглашали на вечеринки в дорогие рестораны, брали в путешествия на яхтах, включали в автопробеги по Европе, когда он мчался в веренице сверкающих автомобилей на своей «Вольво», проносясь мимо живописных испанских городков, изумрудных гор и лазурных заливов. И рядом с ним всякий раз оказывалась новая прелестная женщина, загорелая и счастливая, с которой они пили терпкое вино на веранде крохотной гостиницы, глядя на желтую, театрально красивую луну.

Он был дважды женат, и его разводы были легки, по обоюдному согласию, и покидающая его жена не оставляла ему ни детей, ни разочарований, а только легкий запах духов, который еще некоторое время витал в спальне, а потом улетучивался. Он жил безбедно, полной жизнью, увлекаясь работой, иногда посещая вернисажи и модные спектакли, был любимец компаний и вполне доволен собой.

Однажды его пригласили в музей и показали икону, подлежащую реставрации. На длинной тяжелой доске была написана Божия Матерь, икона двенадцатого века, именуемая Богородица Боголюбивая. Она была ужасно повреждена. Доска отсырела и, казалось, хлопала ржавой влагой. Живопись вздулась, краска растрескалась и готова была отвалиться. Дерево сквозило множеством дырочек, пробуравленных жучками. Лик был в копоти, искажен поздними записями, по всей иконе с головы до пят был прочерчен, исполненный ярости, режущий след.

Челищев осмотрел икону, узнал, как ничтожен гонорар, который посулила ему директриса бедного государственного музея, и решил отказаться. К тому же его поджидала несложная и выгодная работа, картина Семирадского, на которой пышная, с розовой грудью вакханка клала в античную вазу фиолетовую гроздь винограда.

Он подыскивал деликатные слова для отказа, ласково глядя на директрису с бледным сухеньким лицом и кружевным старомодным воротником. Взгляд его последний раз упал на икону, лежащую на столе. И вдруг такую боль и раскаяние, такое сострадание и вину испытал он, глядя на обшарпанную икону с ножевым порезом, что это было похоже на ожог, близкий к сердечному приступу. Это была его мать, умершая несколько лет

назад. Ему почудилось, что грязная, в струпьях, поруганная, беззащитная, она лежит в грязи под холодным дождем, и никто не приходит к ней на помощь, даже ее сын отвратил от нее свое очерствелое сердце.

Боль была так сильна, вина столь горяча и остра, что он, чувствуя жжение в груди, сказал директрисе:

— Я согласен. Беру ее в работу. Могу ли ее переправить в мою домашнюю мастерскую?

— Ее нужно беречь. Она бесценна.

— Буду беречь, как мать родную.

Когда икону с величайшей осторожностью доставили в его мастерскую, Челищев постелил на стол белую холстину и уложил на нее икону. Задернул на окне штору и зажег яркую лампу, осветившую икону белым ровным светом, каким озаряют операционные. Сел перед иконой и стал смотреть, не мигая, на руки Богородицы, которые она молитвенно простерла вперед. Наклоненную голову покрывал вишневый мафорий с хрупкими золотыми звездами. На смуглом лице темнели большие, как у лани, глаза, цвел бутон пунцового рта. Маленькие, из-под туники, стопы были обуты в красные сапожки.

Его созерцание длилось долго. Он был заворужен, оцепенел, не улавливал в Богородице признаков жизни. Она казалась плоским высохшим

растением из гербария, мертвенно серебристым, с алой выцветшей головкой цветка. По мере того как он созерцал Богородицу, она обрела объем, но казалась замороженной в прозрачный кристалл льда, лежала, как сказочная царевна в хрустальном гробу, неживая, бездыханная. За восемь веков своего существования она стольким людям дарила свои целительные силы, стольких спасала и утешала, столько вражьих нашествий отражала, столько раз ее кидали в пожар, топили в проруби, рубили топором, полосовали ножом, что она обессилела, исчахла, умерла. Превратилась в сухой цветок, в тихую тень на доске, в бледную радугу, замороженную в лед.

Челищев мучился, тосковал, оплакивал мертвую прекрасную Деву. Испытывал к ней обожание, не умел пробудить в ней робкое биение жизни. Приближал к ней лицо, надеясь уловить едва различимое дыхание. Коснулся губами ее молитвенных рук. И эти руки под его губами слабо дрогнули, от них дохнуло чуть слышное тепло. Челищев, ликуя, смотрел на Деву, которая, казалось, очнулась. Была не мертва, а лежала в глубоком сне, обессилев от нескончаемых трудов и страданий. И он, как врач драгоценного пациента, станет ее целить, поддерживать слабую жизнь, что теплится в ее измученном теле. Он почувствовал, что его бытие с этой минуты изменилось,

и душа обратилась в неожиданную сторону, о которой не подозревал и которая все эти годы находилась рядом, ожидая его обращения.

Неделя ушла на то, чтобы высушить доску. Он расставил вокруг иконы обогреватели, запустил вентилятор. Сухие потоки воздуха оведали икону. Дерево медленно отдавало влагу. Челищев легонько постукивал по доске, покуда глухой звук разбухших от воды волокон не сменился на звонкий, какой издает клавиша ксилофона.

С великими предосторожностями, завернув икону в белый холст, он отнес ее к знакомому доктору, работающему на томографе. Поместив доску в просторное кольцо, смотрел, как с тихим шелестом движется кольцо вдоль лежащей Богородицы. На экране бежали разноцветные всплески и линии. Принтер выбрасывал множество оттисков, где лучи, рассекая икону, высвечивали травмы и повреждения, пустоты и вздутия, первичный слой краски и поздние наслоения.

Теперь, когда ему была ясна картина заболевания, когда диагноз драгоценному пациенту был поставлен, Челищев приступил к целению. Начал процесс реставрации.

В микроскоп он разглядывал поврежденные участки, как разглядывают больные клетки. Каждая частичка, каждая трещинка подвергались исследованию. В его осторожных руках появлял-

ся то скальпель, то шприц, то мягкая кисточка, то влажный тампон. Он смывал нагар, срезал заусеницы и коросту, впрыскивал клеящую жидкость, возвращая ломтику краски ее первоизданную свежесть, закрепляя его на доске.

Через месяц неусыпных трудов был очищен и восстановлен небольшой участок мафория, ярко-вишневого, как кровь, на котором драгоценно золотилась звезда. Челищев в изнеможении любовался на эту хрупкую сияющую звезду.

И время исчезло. И Москва перестала быть. Шторы на окнах, выходящих на Тверской бульвар, были задернуты. День и ночь горела яркая белая лампа, под которой светилась Богородица. И как луг под солнцем, на котором отступает тень, расцветали восстановленные ткани одежд.

Челищев не заметил, как пожелтели дубы и липы Тверского бульвара, и сверкающие вихри машин неслись в листопаде. Не заметил, как начались холодные дожди, и памятник Пушкину блестел, как черное стекло, и у его подножия печально краснела одинокая роза. Не заметил, как в первых метелях затуманились ночные фонари на Тверской, окруженные бледными радугами. Не заметил, как у водосточной трубы образовалась прозрачная наледь, в которой отражались струящиеся потоки машин, и мерцал трехцветный огонь светофора. Не заметил, как окутался

зеленым туманом бульвар, и в сквере на черной клумбе заалели тюльпаны. Год пролетел, поделенный не на дни и недели, а на крохотные частицы, из которых складывалась икона и которые он спасал от гибели. Частицы были кирпичиками мироздания, которому он не давал распасться.

Его труд доставлял небывалое наслаждение, словно каждый спасенный ломтик питал его неведомым блаженством, а впереди, когда труд завершится, его ожидала небывалая награда.

Когда он снял нагар с лица Богородицы, и оно засветилось нежно-медовым светом, и маленькие губы стали, как пунцовый цветок, а в глазах, длинных и прекрасных, как у лани, замерцало звездное небо, он вдруг почувствовал исходящее от иконы благоухание. В мастерской запахло розами, и он стал озираться, ожидая увидеть цветущий куст.

Он удалился от прежних знакомых, избегал встреч. Отказался от билетов на спектакли английских и французских театров, от которых сходили с ума московские театралы. Пренебрег приглашением на закрытое торжество по случаю рождения Министра культуры. Не откликнулся на приглашение недавней возлюбленной отправиться на фиесту в Испанию. Он отключил телефон, который прежде не умолкая звенел. Он обрел себя на одиночество, но не чувствовал его. Он

был наедине с восхитительной Девой, и каждое прикосновение к ней, каждый спасенный от разрушения ломтик иконы рождал небывалое блаженство.

К нему в мастерскую наведальась директриса музея. Зачарованно смотрела на икону, и ее увядшее, робкое лицо порозовело нежным румянцем.

— Ваша работа, Аркадий Иванович, близится к завершению. И уже разгорается спор между музеем и монастырем, который хочет, чтобы икона была передана церкви. Но ведь они не сумеют ее сохранить. Опять варварски закоптят, заморозят, повесят в сыром соборе. Для нее требуется специальный футляр, герметичный, с регулятором температуры и влажности. А вы как считаете, Аркадий Иванович?

— Не знаю, — тихо ответил Челищев, глядя на лучистое золото звезды, и по его лицу блуждала блаженная улыбка.

Его посетила монахиня, благочинная, мать Елизавета, из монастыря, где когда-то Богородица явилась князю Андрею Боголюбскому, и тот повелел написать ее образ. Мать Елизавета, худая, с плоской грудью, иссиня-черными пылающими глазами, гибко, несколько раз поклонилась иконе. Высоким, чуть надтреснутым голосом пропела:

— Богородица Дева, радуйся. Благодатная Мария, Господь с Тобой. Благословенна Ты в женах. Благословен плод чрева Твоего, яко Спаса родила еси душ наших.

Обратила к Челищеву истовое долгоносое лицо:

— Вы, Аркадий Иванович, не от мира сего. Вас Господь избрал, чтобы через вас явить образ Пресвятой Богородицы во дни, когда решается, быть или не быть России. Из ваших рук пречистый образ воссияет над русской землей и отведет от нее беду. Вам теперь, Аркадий Иванович, быть при Богородице неотступно, куда бы она ни пошла. А пойдет она к нам в монастырь, где явилась благоверному князю Андрею. И вы будете при ней как келейник. Она, Богородица, нам царя укажет, и вы при ней этот знак угадаете и всему народу откроете. В этом ваше великое послушание и подвиг, Аркадий Иванович. — Мать Елизавета перекрестила Челищева. Гибко согнула тонкий стан, поклонилась иконе и вышла.

Труд его завершился. По всей Москве стояли новогодние елки, как царицы, в жемчугах, ожерельях. Деревья на Тверском бульваре были оплетены аметистовыми гирляндами, и люди шли по бульвару, как в стеклянной чаше, которая звенела морозными хрустальями.